
Ю. В. ЛЮБИМОВ

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В работе рассматриваются особенности социокультурного развития и интеграции в российское полиэтничное пространство народов Северо-Востока Азии. Существенную роль в интеграции сыграла стратегия колониальной политики России, направленной не только на учет интересов местного населения, но и на формирование общих интересов.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, аборигены, русские поселения, интеграция, национальная политика.

На обширных пространствах Северо-Восточной Азии, изобилующих большим числом рек и озер, о которых колымский исправник барон Г. Л. Майдель писал: «Было бы достаточно взять краску кистью и брызнуть ею на бумагу – это и было бы самой верной передачей истинного положения вещей» (цит. по: Туголуков 1979: 9), омываемых морями Северного Ледовитого и Тихого океанов, ко времени прихода русских проживало множество малочисленных народов. Суровый климат с холодной и продолжительной зимой и очень коротким прохладным летом, а также относительная замкнутость пространства способствовали выработке особых адаптивных механизмов, формированию своеобразных культур. Внутренняя часть территории покрыта тайгой, но значительные пространства представляют собой тундру. Основные потребности человека удовлетворялись в буквальном смысле в борьбе за существование. Скучные природные запасы заметно сужали возможности диверсификации хозяйственной деятельности: охота на дикого оленя, птицу, морского зверя и рыболовство. С одомашниванием оленя появляются скотоводы. А на основе контактов между хозяйственными группами происходили первичные процессы обмена и со временем возникли особые группы людей, главным занятием которых стала посредническая деятельность¹. Совершенствовались навыки и собственно орудия труда, как, например, эскимосский

¹ Таковы, например, чукотские *кавральит* (поворотчики), основная деятельность которых заключалась в обеспечении обмена продуктами промысла между отдельными группами чукчей, а также эскимосов.

гарпун с поворотным наконечником (см. рис. 1). Оптимально приспособленная к кочевому быту чукотская яранга свидетельствует о немалых технических достижениях так называемой первобытной культуры.

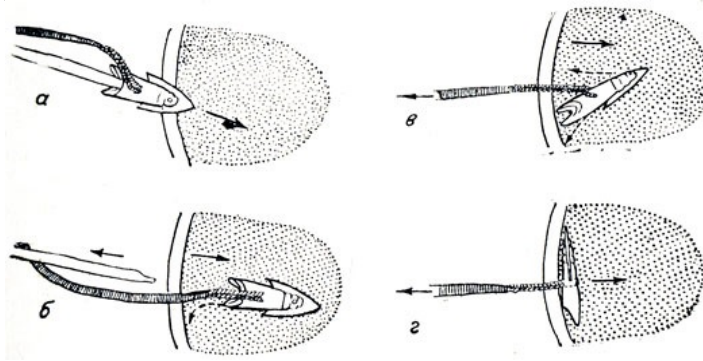

Рис. 1. Действие гарпуна поворотного типа при попадании в тело животного

Однако зависимость от природной среды была очевидной. Любое изменение условий существования могло оказаться губительным. Это и случилось с некогда многочисленными юкагирами. «Время переправы оленей через Анной составляет здесь важнейшую эпоху в году, и юкагиры с таким же боязненным нетерпением ожидают сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы или сбора винограда» (Шведе 1948: 220). «Бывали такие ужасные года, что употребляли в пищу лисье мясо, ремни, старые оленьи шкуры, даже старую одежду и вообще все, что попадало под руку» (Жихарев 1992: 205). Русские поселки строились по берегам рек и, разумеется, возле бродов, где прежде были основные пути оленьих переправ. Это так изменило привычные маршруты оленей, что отдельные группы юкагиров, для которых плавная² охота была основным средством существования, не смогли перестроиться. Им приходилось прибегать к помощи русских-новопоселенцев или соседних скотоводов (чукчей, эвенов). И народ оказался на грани вымирания.

Следствием голодовок была и низкая сопротивляемость болезням. Столь же печальные последствия ожидали береговых жителей – эскимосов, в конце XIX века оказавшихся на грани лишения основного источника существования из-за активного истребления

² Охота на плаву (на переправе), когда находящиеся в воде оленьи били палками, добывая пропитание.

китов и моржей флотилиями американских китобоев (Крушанов 1987: 66).

Реакция на изменение естественных факторов была различной. Сокращение поголовья дикого оленя для чукчей явилось стимулом развития оленеводства и морского зверобойного промысла как двух ведущих отраслей хозяйства. Таким образом, комплексное хозяйство эволюционировало в наиболее перспективных направлениях.

Этот процесс проходил медленно и безболезненно для соседствующих оленеводческих народов. Даже после прихода в край русских чукчи совершали частые набеги на оленных юкагиров и особенно коряков с целью захвата оленьих стад (Там же: 55). Это продолжалось почти до конца XVIII века, но потом «внезапно» прекратилось. Ставшие «мирными» чукчи перестали побуждать русские власти к применению силы для защиты русско-подданных коряков и, естественно, оставлены были «в покое». Карательные экспедиции отряда русских казаков и резкий отпор чукчей получили название «русско-чукотские войны». Конечно, масштаб таких столкновений был невелик, да и численность русского «войска» составляла едва ли с десяток человек. Однако ни покарать, ни покорить чукчей так и не удалось. Они до конца XIX века официально признавались «условно подданными». В. Г. Богораз, очевидно, не прав, считая, что «чукчи, когда они были оставлены в покое, с удивительной быстротой из “немирных” превратились в “мирных”» (Богораз 1934: 52). Скорее всего, к этому времени поголовье домашнего оленя у чукчей (Крушанов 1993: 72–73) достигло оптимальной величины и уже не было необходимости проливать кровь. С этого момента «чукотское оленеводство развивается только за счет естественного прироста» и в конце XIX века достигает внушительных размеров: некоторые оленеводы содержат по 10–12 тыс. оленей (Он же 1987: 56).

Пример приспособления к природе демонстрируют и русские поселенцы. Достаточно обратить внимание на привычки, традиции, обычаи, обряды, имеющие по большей части земледельческие корни и отражающие условия обитания «среди лесов, полей и рек». Вместе с тем вплоть до нашего времени сохранились и виды деятельности, ведущие свое происхождение из более древних времен: собирательство, охота, рыболовство. Это относится не только к производственной культуре, но имеет прямое отношение и к сфере духовной. Обычаи, обряды, суеверия, то есть то, что и называется пережитками, придают своеобразие даже современной культуре. Социокультурная система включает в себе весь культурно-исторический опыт общества, в котором естественно переплетаются

ся особенности взаимодействия со средой, взаимоотношения между людьми, между культурами, независимо от их взаимоотношения или взаимоотторжения. То, что русское население в условиях Северо-Востока не могло в полной мере реализовать свои земледельческие мотивации, вовсе не означало его деградации или резкой трансформации.

Попытки земледелия предпринимались не только в Западной и Южной Сибири, где были подходящие климатические условия, но и в более северных районах на Лене, Енисее, Вилюе (Окладников, Шунков 1968: 370–371). Попытки распространить земледелие в еще более северные районы оказывались по большей части неудачными. Но даже на Крайнем Севере были освоены огородные культуры (капуста, репа, редька, а позднее и картофель). Отсутствие основного продукта питания компенсировалось за счет сохранения связи с Большой землей. Хлеб на Северо-Востоке был завозным и, следовательно, дефицитным, но и в таких условиях жители нашли выход, используя муку из рыбьей кости в качестве суррогата настоящей. Ф. П. Врангель, вспоминая о встрече со священником Зашиверской церкви, пишет: «Отец Михаил угостил нас истинно по-русски: горшком жирных щей и свежим ржаным хлебом... В заключение подали пирог, испеченный из рыбьей муки – изобретение нашего хозяина. Для сего сухая рыба растирается в мелкий порошок, который, если его держать в суше, долго сохраняется и с примесью ржаной муки составляет очень вкусный хлеб» (Шведе 1948: 126).

Правительство с самого начала колонизации Сибири предпринимало меры по созданию в регионе собственной продовольственной базы, чему способствовали льготы, предоставляемые переселенцам-крестьянам. Они переводились в разряд государственных и пользовались некоторым преимуществом своего положения по сравнению с крепостными крестьянами центральных регионов страны. Одновременно на них возлагались различные повинности, связанные с организацией власти на новых территориях. Расширили свои возможности и монастырские крестьяне, после секуляризации переведенные в разряд экономических. Эти процессы затрагивали непосредственно только районы, где было возможно земледелие, но даже там, где основными видами деятельности становились охота и рыболовство, давали себя знать пережитки земледельческой культуры. Своеобразный аналог трехпольной системы с паром практиковался на Индигирке. То или иное озеро на определенное время становилось заказным, и в нем не разрешалось ловить рыбу (Чикачев 1990: 68). Но всюду выполнялось основное условие земледелия – оседлость. Станным кажется упрек выдающегося

этнографа В. Г. Богораза: «...русские завоеватели, однако, не могли примкнуть ни к бродячим охотникам, ни к кочевым оленеводам. Им нужна была оседлость, теплая изба, даже субботняя баня. Они примкнули к речным рыболовам, стоящим на низкой хозяйственной стадии, пассивным, неподвижным, но при этом оседлым» (Богораз 1934: 40). Отчасти такое отношение было связано с тем, что автор наблюдал жизнь уже захолустного края, каким были эти места в конце XIX века, кроме того, сыграло роль «политическое пристрастие» ссыльного народовольца по отношению к казакам, являвшимся «опорой самодержавия», и, наконец, налицо явное искажение действительности, так как «примыкали» к русским поселкам туземные жители вовсе не из-за сходного образа жизни, а в поиске поддержки.

Навыки охоты и рыболовства использовались на всем пути следования вглубь Сибири отрядов первопроходцев, «на месте» они дополнялись заимствованием опыта аборигенов, гораздо лучше знавших особенности местной фауны и возможности промыслов (Он же 1991). Дополнительным, но важным было для новопоселенцев собирательство, включавшее не только традиционные для русских грибы, ягоды, но и дикорастущий лук и некоторые травы. Но оно, конечно, не могло и не стало основой жизнедеятельности, как не было и для местных народов.

Относительная устойчивость культур Северо-Восточной Азии объясняется незначительным на столь обширном пространстве «давлением на природу», но процессы, имевшие место в XVII столетии и связанные с приходом русских, начались, по-видимому, ранее и были обусловлены более значимыми перемещениями народов в Восточной и Центральной Азии. Изменения все же происходили, хотя при сохранении изоляции они могли быть даже более медленными.

Ко времени прихода русских этническая ситуация на Крайнем Северо-Востоке представляла собой сложную мозаику. На территории жили юкагирские племена (омоки, чуванцы, ходынцы, анаулы), чукчи, коряки, кереки, эскимосы. В близком контакте с ними кочевали эвены, представители тунгусо-маньчжурских народов. Их кочевья, простиравшиеся на обширной территории вдоль Охотского моря и дальше на север, создавали своеобразную границу, отделявшую народы Северо-Востока от других народов Сибири. Они оказали большое влияние на жизнь Северо-Востока, во всяком случае, в ассимиляции, по мнению В. А. Туголукова, значительной части юкагиров (Туголуков 1979: 5). Юкагирские племена, бывшие ранее более многочисленными, на рубеже XIII–XIV веков проникли на Анадырь и «клином» разделили близкородственных чукчей

и коряков, что способствовало их дальнейшему обособлению. Юкагиры, селившиеся вдоль рек и занимавшиеся охотой и рыболовством, с приходом русских, использовавших реки как основные транспортные артерии, были в первую очередь объяснены. Не все группы юкагиров в равной степени выражали верноподданнические чувства, часть их вместе с чукчами еще некоторое время активно сопротивлялась и совершала нападения на ясачных людей. Но численность их вследствие ассимиляции и эпидемий неуклонно уменьшалась, и к концу XIX века их осталось немногим более 400. «Имея перед глазами судьбу ительменов и юкагиров, почти поголовно уничтоженных царизмом», можно думать, что туземные племена Северо-Восточной Сибири обречены на вымирание. «Так оно и было бы, если Октябрьская революция, свергнув старый строй, не освободила бы чукоч от воздействия царской “культуры” и “цивилизации” и не представила этой отсталой народности возможности при помощи русского пролетариата развивать свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию» (Алькор 1934: VIII). Понятно, что не только царизм способствовал вымиранию юкагиров. Во многом это объяснялось особенностями хозяйственной деятельности, мало приспособленной к изменяющимся условиям. Даже юкагиры-оленьеводы занимались наименее продуктивным транспортным направлением этого хозяйства. Юкагиры были обречены, что нашло свое выражение и в их фольклоре (Левин, Потапов 1956: 894).

Ясачные юкагиры (см. рис. 2) были основными помощниками русских не только как поставщики пищи, одежды, они служили проводниками, переводчиками, посредниками в русско-туземной торговле.

Рис. 2. Юкагиры. Фотография конца XIX века

Чукчи, коряки, керекы – наиболее близкие по языку и культуре народы. Чукчи вели комплексное хозяйство, в котором сочеталась охота на дикого оленя, оленеводство и морской зверобойный промысел. Они были неплохими мореходами. Во всяком случае, есть сведения, что на Американский континент они выезжали целыми байдарочными флотилиями (Крушанов 1987: 43) для немой торговли с аляскинскими эскимосами, совершая обмен товарами не всегда мирным путем. С XVII века начинается обособление двух основных хозяйственных групп чукчей, хотя связи между ними не прерывались. Обмен продуктов оленеводства на продукты морского промысла способствовал выделению особой группы торговцев-поворотчиков. Оленные чукчи, а благодаря им и береговые, будучи наилучшим образом приспособленными к суровым условиям Арктики, в наименьшей степени страдали от эпидемий и голодовок. Они не только сохранили, но и увеличили свою численность значительно более других. Несмотря на поистине огромные расстояния перекочевок чукотского стойбища, достигающие до 150–200 километров (Богораз 1934: 12), у них практически нет деления на диалекты (Виноградов и др. 1968: 269). «Чукчи настолько независимы от чужих влияний, что предпочитают создавать свои собственные слова для новых предметов, приходящих к ним из цивилизованного мира» (Там же 1934: 11). Хотя это не совсем так, свидетельством чему могут служить чукотско-эскимосские лексические заимствования (Меновщиков 1970), но в целом неподверженность влияниям остается в какой-то степени и в наши дни. У чукчей наибольший среди малочисленных народов процент говорящих на родном языке.

Береговые чукчи живут в тесном контакте с азиатскими эскимосами, иногда чересполосно, часто ассимилируя последних, благодаря чему их численность растет. Они в наименьшей степени подвергались русскому влиянию, что сохранялось и в более позднее время. В «Сборнике официальных документов по управлению Восточной Сибирью» за 1882 год читаем: «Чукчи издавна слыт народом воинственным и непокорным и состоят лишь в номинальном подданстве России. На основании существующих законоположений чукчи составляют особенный разряд инородцев, считающихся в зависимости от России без совершенного подданства; законом им предоставлено вносить ясак произвольно как по качеству, так и по количеству, и за взнос ясака принято одаривать их, на что отпускается из Кабинета Его Величества особая сумма по 150 руб. в год. Оленные чукчи с давних пор уже имеют сношения с русскими, приходя ежегодно на ярмарки в Анюйскую крепостицу

и Анадырский острог, сознают о своей принадлежности России и вносят ясак. Носовые же чукчи никогда не имели с русскими никаких непосредственных сношений, по-русски не знают ни одного слова, о России имеют самое смутное понятие, а своей принадлежности к ней у них не заметно даже слабого сознания, – как свидетельствуют о том новейшие официальные данные» (Щеглов 1993: 157).

Коряки в отличие от чукчей не представляют собой в полном смысле единства как в языковом (наличие многих диалектов), так и в хозяйственном отношении. Традиционно разделяются, как и чукчи, на две основные группы: оленных и береговых. Береговые коряки в большей степени подверглись русификации. Процесс обьясачивания у коряков проходил медленно из-за их активного сопротивления, но к середине XVIII века, не без влияния участвовавших к тому времени набегов чукчей, он в основном завершился. Кереки, которых иногда считают одним из подразделений коряков, и эскимосы, представляющие вместе с алеутами особую языковую группу, большая часть которых расселена по арктическому побережью Северной Америки и в Гренландии, особого значения для развития русско-туземных связей не имели.

Мировоззрение оленевода, китобоя, воина формировалось в тесном отношении с природной средой, с особенностями хозяйственной деятельности. Необходимость четкой ориентации на тех обширных пространствах, где происходила кочевка, развивала наблюдательность, порождала богатейшую топонимику (см.: Леонтьев, Новикова 1989). Жизненно важные предметы и явления, от которых в той или иной степени зависел успех деятельности, получали свое специальное название, доля обобщающих слов при этом была значительно меньше, что, как известно, весьма характерно и для профессиональных жаргонов. Так, для русского нарта и есть нарта, а для коряка это может быть несколько разных слов, отражающих особенности ее использования, изготовления: ездвая, грузовая, для перевозки посуды, для перевозки шестов юрты, для перевозки детей, легкая нарта для спортивных состязаний, чукотская нарта (Виноградов и др. 1968: 291–292). В то же время в языке имеются и обобщающие слова. Так, чукчи и коряки многие соседние народы, не исключая друг друга, называют общим словом со значением «чужой, противник», добавляя соответствующие определения: настоящий, огнивный, бородатый и т. д.

Зависимость от капризов природы вела к ее одухотворению, наделению окружающего мира свойствами субъекта – духа, часто

представляемого в виде какого-то животного, а иногда в человеческом образе. Сама эманация добра и зла зависела от состояния того или иного предмета или явления. Расположение какого-либо духа или его гнев, пусть даже вовсе не мотивированный, могли оказать решающее воздействие на успех охоты и лечение болезни. Со временем выработались специальные процедуры умилостивления, задабривания духа либо непосредственно путем жертвования, либо с помощью посредника. Охранительную функцию у чукчей выполняли, например, собаки, различные амулеты, но специальная процедура требовала особого ритуала, каковым стало камлание. При этом ритуал не всегда выполнялся «профессионалом», допускалось и семейное шаманство, когда один из членов семьи мог совершать камлание. Тотальное включение всех принимающих в этом действе участие чем-то напоминало коллективный транс или сеанс коллективного гипноза и производило на русских, впервые наблюдавших подобного рода мероприятия, неизгладимое впечатление (Шведе 1948: 183, 372). Однако чаще всего шаманами становились особые люди. С. А. Токарев считает, что шаманы, как правило, нервнo-больные люди, отличающиеся умением произвольно вызывать у себя состояние припадка (Токарев 1990: 279–280). Это не во всех случаях так (Басилов 1984: 141). Произвольная настройка и последующий вполне нормальный «самоотчет» могут быть лишь у вполне здорового человека, обладающего психотехнической способностью введения себя в нужное состояние и соответствующими личностными характерологическими задатками. Если и можно говорить о «заболевании», то лишь о таком, которое обычно называется «пограничное состояние». Вполне сложившейся системы шаманство не представляло и использовалось чаще при лечении болезней, а в промысловой деятельности довольно развитые представления о сверхъестественном играли менее заметную роль (Арутюнов 1991: 108). Шаманство способствовало в какой-то степени кодификации мифологических и космологических представлений, а благодаря «самоотчетам» создавало зону их ближайшего развития.

Русским шаманство чем-то напоминало заговоры, поскольку речь шла о «налаживании» отношений с чем-то или кем-то потусторонним. Они легко усвоили это явление культуры и часто прибегали к помощи шамана в трудных случаях. Разделение на три мира: тот, где живут люди; верхний, где живут предки или добровольно умершие; нижний, где обитают злые духи (кэле) и умершие по болезни, – было вполне понятно и для русских поселенцев, было

близко их собственным представлениям о мире, что также способствовало установлению культурного диалога. Свидетельством этого могла быть картина сотворения мира. Творец поручает Ворону «продолбить зарю», но тому сделать это не удастся, за что он изгоняется (Крушанов 1987: 87–88). Ворон совмещает затем в себе черты культурного героя и демиурга, он в том числе завершает и улучшает уже созданное. Когда появляются русские, то одним из «творений» становятся и они: их создают из забытого на стойбище огнива (Богораз 1934: 7; Крушанов 1987: 88). Творец является, в сущности, не столько субъектом творения, сколько его инициатором (ср.: Любимов 2014: 28). При этом в его функции может выступать и совершенно случайный герой, как в сказке о непослушной дочери. Контаминация черт демиурга и культурного героя и вычленение некоего анонимного Творца, думается, могли произойти под влиянием христианского мировоззрения.

Проблемы Крайнего Северо-Востока во многом сходны с ситуацией в Сибири в целом. Переселенцы значительно увеличили население региона, которое за 300 лет после присоединения выросло в 67,5 раза. К середине XVIII века русское население почти сравнялось, а к началу XIX века уже в 4 раза превосходило местное. Несмотря на абсолютное увеличение коренного населения, к концу XIX века его доля составляла всего 15 % (Шунков 1974: 232).

В начале колонизационного периода центром всей Сибири был Тобольск. Оттуда посылались отряды служилых и осуществлялось управление расширяющейся империи. В составе служилых, помимо казаков, были представители духовенства и своего рода чиновной администрации. С их помощью устанавливалась и распространялась государственность. Если в Средние века «личность не была индивидуализирована и оставалась теснейшим образом связанной с коллективом, группой, неотделимой частью которой она являлась» (Гуревич 1984: 198), то это не относилось к воину, ибо он «должен был полагаться на собственные силы, мужество и боевой опыт» (Там же: 212). Эпоха присоединения Сибири сохранила огромное число имен конкретных людей. Значительный сдвиг в общественном сознании нашел свое выражение и в литературе (Ромодановская 1994: 4).

Кроме своих служебных обязанностей первопроходцам приходилось решать большой объем бытовых задач, обладать качествами путешественника, иметь навыки строительства, заниматься охотой и рыболовством, быть просто выносливыми и сильными людьми.

Внутренняя иерархия в военном гарнизоне была довольно четкой. Высший чин служилого, как правило, «по отечеству» – сын боярский, остальные – «приборные»: сотники, атаманы, пятидесятники, десятники и рядовые казаки. Но даже в столь организованном войске нельзя было говорить в полном смысле о круговой поруке и единоначалии. Практически получалось, что каждый казак нес ответственность лично перед государем за исполнение своих обязанностей, за что и получал соответствующее жалованье. Укрепление личной зависимости способствовало распространению центральной власти на вновь присоединенных землях.

Постепенно расширяющаяся территория требовала и административного управления. Из Тобольска направлялись в разные концы отряды служилых людей. В Якутский острог, ставший центром всего Северо-Востока, в 1638 году был послан отряд во главе с воеводами П. П. Головиным и М. Б. Глебовым. Он состоял из 400 человек. В их задачи входило приискание новых земель и сбор ясака. Нетрудно представить, сколь малы были силы этого аппарата государственной власти на столь обширной территории, тем более что значительная часть этих сил направлялась в остроги и зимовья, а в самом Якутске оставалось около 50 человек (см. рис. 3).

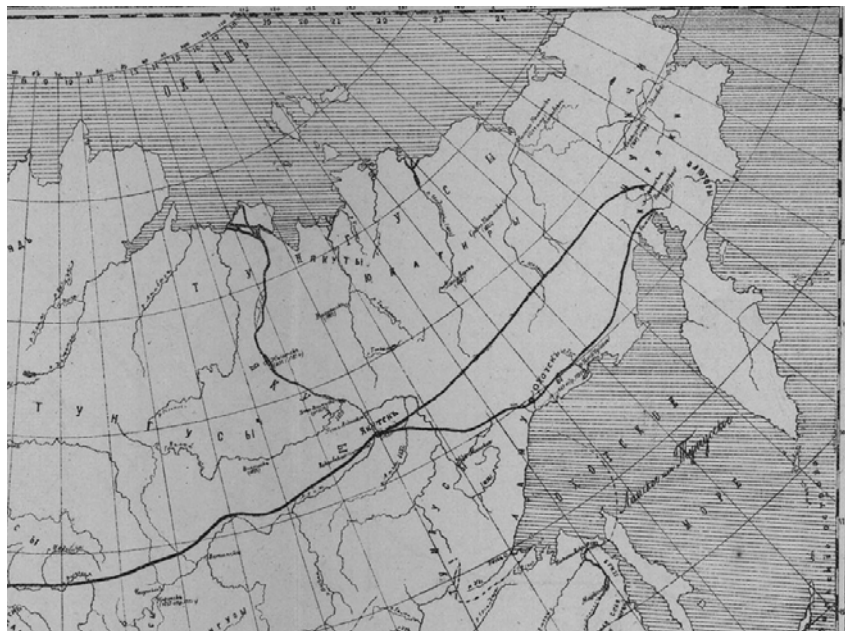

Рис. 3. Карта ямских путей, учрежденных при Петре Великом

Постоянные разъезды и длительные отлучки по несколько лет, хроническое недополучение жалованья и сложности доставки по назначению собранного ясака не давали ожидаемого эффекта от присоединения земель и создавали лишние трудности для служилых людей. Несмотря на строгие предписания «не обижать ясачных людей», служилые люди часто прибегали к насилию, а соревнующиеся между собой «ватаги» служилых людей нередко брали ясак с одного и того же по несколько раз. Охотники за ясаком иногда намеренно создавали поводы для усмирения «ратным боем», захватывали добычу, в том числе жен и детей инородцев («ясырей»), а затем перепродавали. Захватывали аманатов из «лучших людей» и тем лишали племя наиболее умелых охотников, оленеводов, способствуя сокращению численности аборигенов (Туголуков 1979: 20). Также нередки были раздоры в среде самих служилых (Белов 1948: 103).

Служилые люди обычно жаловались на голод и нужду, обращались с просьбами увеличить жалованье, повысить в чине. В челобитных многое обычно преувеличивалось, поскольку казаки вполне могли возместить свой ущерб за счет ясачного населения. Об этом говорят, например, взятки, которые брали воеводы при посылке служилых по зимовьям (Сафронов 1978: 89–90). И все же трудностей было достаточно.

Несмотря на безусловные выгоды от освоения новых территорий, правительство не спешило вкладывать средства в это важное дело. Не потому, конечно, что не понимало, а просто таковых средств было недостаточно. Главной заботой правительства оставалось обустройство менее отдаленных и более прибыльных районов, а также создание собственной сибирской продовольственной базы. При этом оно не отказывалось и от дальнейшего расширения территории и приведения «под высокую руку» государя новых подданных. Все попытки якутских воевод увеличить штат гарнизона не увенчались успехом. Когда в 1677 году тунгусы побили казаков, шедших из Якутска в Охотск, и захватили государевы товары, хлеб и вооружение, а затем около тысячи тунгусов обложили Охотский острог, воевода Ф. Бибиков смог послать на выручку осажденным всего лишь 60 человек. «В записках служилых людей отдельные вооруженные столкновения усердно раздувались с целью получения награды за боевые заслуги. Если же внимательно отнестись к имеющимся данным, то становится ясно: столкновения русских отрядов были незначительны. Отряды из 5–10 человек совершали путь по тайге и возвращались, собрав ясак. Русские одно-

дворные и двудворные деревни в Ленском крае существовали среди якутов десятилетиями. Это возможно лишь в условиях мирного сосуществования, а не при ожесточенных сражениях» (Шунков 1974: 350). Также важно отметить, что русские переселенцы легко осваивали иную культуру, язык и опыт жизнедеятельности коренных жителей.

Состав служилых людей был разнороден. Помимо собственно казаков, если иметь в виду лишь массовую их часть, в службу верстались многие ссыльные, включая принявших православие иноземцев. «Серьезным пополнением по большей части низших разрядов служилых людей (казаки) были ссыльные “немцы” (иноземцы), черкасы (украинцы) и “литва” (выходцы из Польско-Литовского государства). Для привлечения дополнительной военной силы в Западной Сибири был создан особый разряд служилых людей – служилых татар» (Гольденберг 1990: 73). Из 124 ссыльных в Тобольск с сентября 1641 года по апрель 1642 года на службу были поверстаны 80, на пашню – 28 (Сафронов 1978: 34). Если учесть, что многие отправленные на пашню бежали в служилые, потому что им пашенная работа «не за обычай» (Там же: 37), то, следовательно, основная масса ссыльных отправлялась на службу. К этому нужно присовокупить практику заместительного найма. Сибирские казаки неохотно шли на службу из-за тяжелых условий ее прохождения в отдаленных местах Сибири, но могли нанимать вместо себя кого-либо другого. Число наемщиков было внушительным. Из привезенных в 1648 году в Якутск 50 казаков половина была наемщиками (Шунков 1974: 59). Число наемщиков увеличивалось за счет нанятых по пути следования к месту назначения из-за болезней. По каждому случаю составлялась ручательская запись: «Сез Федор Кузьмин сын Важенин, гулящий человек, дал есьми настоящую запись Енисейского острогу служилому человеку Он-типе Иванову: я нанялся у него в его место на службу и служить мне за него всякая служба зимою и летом, и нартою и на лыжах, сыными енисейскими служилыми людьми, куда пошлет атаман Осип Галкин. Служити мне за атаманом Галкиным и служилыми людьми до перемены, как в Якутский острожек перемена будет атаману и служилым людям. Найма взял 21 пуд муки ржаной, топор, 4 безмена сала говяжьего, 4 безмена толочна, 4 безмена круп» (Сафронов 1978: 60). К служилым людям присоединялись промышленные, по своей воле становившиеся охочими служилыми людьми. Как видим, служилые на самом деле рекрутировались не

только из приборных, но иногда из совершенно случайных людей, каковыми могли быть не только русские, но и ссыльные иноземцы.

Основной центр формирования служилых отрядов – Тобольск, затем эта сфера расширяется и людей набирают из Березовского и Енисейского уездов. Ссыльные начинают прибывать в более отдаленные районы, туда же наезжают промышленники, возникают крестьянские волости, а кое-где и посады. Формируется русское население, за счет которого можно пополнять состав служилых людей. Некоторая часть нерусского населения принимала православие и таким образом также могла быть поверстана в службу (Сафронов 1978).

Взаимоотношения новопоселенцев и местных аборигенов всегда основывались на предшествующем опыте людей.

Взгляд на другого человека и способность понять его и даже пожалеть, при этом получив полезную информацию, просматривается в расспросных речах, из которых выясняется, чем интересовались русские. Информаторами были либо аманаты, либо просто ясачные люди. «Прежде всего рассказывали о себе, какого они племени или рода и как зовутся, где живут, как далеко простираются их владения, кто у них главный, чем занимаются, какой образ жизни ведут, есть ли хлебопашество, с кем торгуют и чем, как строят дома, во что одеваются, какая у них вера и т. п.» (Там же: 85). Со временем меняется и «отчет» первопроходца: «Да на той же де Колыме в сторонней реке, прозвищем на Чюхче, а пала де та река Чюхча в море своим устьем, с приезде по сей стороны Колымы реки, а по той де реке Чюхче живут иноземцы свой же род, словутчюхчи, то же что и самоедь, оленные, сидячие ж... И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем и на том де острове они побивают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему де они тем моржовым головам молятца... а у тех де чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря, а доброй де самой черной соболя все по Колыме» (Богораз 1934: 33).

Развитие отношений шло по направлению расширения торговли и обмена. Хотя сама торговля происходила по большей части путем натурального обмена русских товаров на меха и «моржовый зуб», но ее результатом было развитие у аборигенов потребности в этих товарах. Железные и медные котлы, ножи, табак стали для туземного жителя столь же необходимы, как и продукты их хозяйства. С XIX века на Чукотку начинает проникать спирт, причем как

с русской стороны, так и от американцев (Богораз 1934: 62). Находясь под воздействием двух цивилизаций, аборигены высказывали недовольство и той и другой. Если береговые жители имели претензии к американцам и, напротив, считали русских лучшими партнерами, то анадырские жители высказывали прямо противоположное суждение (Там же: 77–78).

Если ясак был своего рода способом огосударствления туземцев путем приведения их к системе обложения типа тягла или подати (собственно: дани), то обращение в православие представляло дополнительный, но столь же важный атрибут верноподданства. Крещение и уплата ясака были вообще тесно взаимосвязаны. Как писал один миссионер в докладе епископу, «креститься для язычника обозначает заплатить ясак небесному царю» (Там же: 73). Однако, несмотря на то, что, как подчеркивает И. С. Вдовин, «значение близкого и понятного для них мифа о сотворении мира, о невидимом боге, обитающем где-то наверху, и его человекоподобном облике совпадало с образами чукотских и корякских божеств» (Арутюнов 1991: 111), обращение аборигенов продвигалось с трудом, в особенности у чукчей. Даже принимая формально православие, большинство местных жителей сохраняли свои традиционные верования.

«Многие чукчи крещены, но это не имело никакого дальнейшего влияния... Священник, приезжающий из Нижне-Колымска на время ярмарки в Островное, обыкновенно находит несколько чукчей и ламутов, которые в надежде получить подарки, согласны на крещение. При нас также молодой чукча объявил, что он за несколько фунтов табаку желает окреститься. В назначенный день собралось в часовню множество народу, и обряд начался. Новообращенный стоял смиренно и благопристойно, но когда следовало ему окунуться три раза в купель с холодной водой, он спокойно покачал головой и представил множество причин, что такое действие вовсе не нужно. После долгих убеждений со стороны толмача, причем, вероятно, неоднократно упоминался обещанный табак, чукча, наконец, решился и с видимым нехотением вскочил в купель, но тотчас выскочил и, дрожа от холода, начал бегать по часовне, крича: “Давай табак! Мой табак!”» (Шведе 1948: 180–181). Конечно, были и иные случаи. У коряков христианизация была более успешной, в некоторых поселках были построены часовни, а в Палане даже церковь. Определенную и весьма положительную роль в сближении с русскими сыграло духовенство, способствовавшее распространению грамотности (Крушанов 1993: 22–24).

Вероятно, условия жизни на Камчатке были более благоприятны. Во всяком случае, в Русской Америке христианизация тоже имела большой успех. Но в целом обращение по существу осталось формальным. Да и как представить кочевников, число которых на Северо-Востоке было подавляющим, согласующих время и место кочевания с христианскими праздниками? Здесь совсем не было монастырей, для столь огромных пространств недоставало церквей. Священники часто общались со своей туземной паствой через переводчика, весьма подчас не искушенного в вопросах веры. Неудачам «обращенчества» способствовало отсутствие ортодоксальной веры у самих носителей ее (русских), которые от случая к случаю обращались к местным шаманам, сохраняли суеверия. «Верили, что у каждого человека есть “стень”. Когда она улетает, человек болеет, появляется сонливость, слабость, плохое настроение, наконец, он может умереть, тогда шаманы “приводят” стень обратно» (Чикачев 1990: 125).

Русское население Северо-Востока, сформированное служилыми людьми и пришедшими позднее крестьянами, было довольно однородным и воспроизводило в новых условиях ту самую общину, которую некогда покинули бывшие миряне.

Пришлой населению смогло быстро адаптироваться к местным условиям, используя местные обычаи и навыки, сохранив при этом существо русской культуры. Однако отсутствие устойчивых связей с культурными центрами привело к консервации социокультурной системы, в результате чего даже в начале XX века она сохраняла свою первоначальную (XVII–XVIII веков) форму, включая особенности севернорусского говора, откуда происходила основная масса новопоселенцев. «Многие из женщин одарены способностью слагать песни, заключающие в себе большей частью жалобы на разлуку с любезными. В таких песнях замечательно воспоминание о прошедшем времени; главные роли в них играют голубок, соловей, цветы и многие другие предметы, которых не найдете и за тысячу верст отсюда и о которых певица знает только по слухам» (Шведе 1948: 138). При этом происходило то, что в литературе называется контаминацией сюжетов и образов (Матвеева 1990: 73), сочетание собственно русского и заимствований из местного. Некоторые путешественники часто полагали, что русские будто бы говорят на чужом языке (Сафронов 1978: 215). По-видимому, это было не всегда так. Однако из-за обилия местных слов и выражений русская речь действительно могла «преображаться», при этом оставаясь русской.

Вместе с тем в местные языки проникали русские слова, которые, правда, нелегко опознать из-за различий фонетических систем. Так, якутское *сылабаар* происходит от русского *самовар*, *хобоордох* от *сковорода*. При этом иногда заимствованное слово получало новое значение: *мөһөөх* (от русского *мешок*) стало означать *сто рублей*, *кирилизэ* (от *крыльцо*) – *лестница* (Виноградов и др. 1966: 424).

Многие предметы и явления местной жизни иногда назывались по-русски: *кухлянка* (вид меховой одежды), *сендуха* (тундра) и т. п. Взаимозаимствования происходили и в других сферах жизни. Интересным примером сочетания русского и местного являются меховые ковры из Марково. Сам принцип производства ковров из меха с меховым орнаментом, получаемым сочетанием светлых и темных тонов оленьего меха, сходен с чукотской и корякской орнаментовкой головных уборов, обуви, одежды. Но мастерицы при этом сочетают чукотские геометрические орнаменты и изображения животных, птиц, деревьев и даже жилищ (Левин, Потапов 1956: 199–200).

Самое важное – воспроизводился русский тип сожительства – деревня или село. Дома из бревен, которые сначала строили только русские, постепенно становятся основным жилищем и коренных жителей. В Марково, по свидетельству А. Дьячкова, во второй половине XIX века было 38 домов и 3 юрты (Жихарев 1992: 202). Есть сведения, что село существует с 1784 года (Бабкин 1968: 71), а некоторые полагают, что оно существовало еще до упразднения Анадырского острога (Жихарев 1992: 55). Сожительство способствовало приобщению аборигенов к русской культуре. Как писал издатель рукописи А. Дьячкова Ф. Ф. Буссе, «замечаются некоторые неправильности в построении фразы, встречаются ошибки в правописании, но эти недостатки столь незначительны, что надо удивляться, как автор при недостатке школьного образования достиг таких результатов» (Там же: 165).

К началу XIX века становятся насущными проблемы реформирования управления страной, в том числе Сибирью. В то время существовали две различные точки зрения на значение края. Одни рассматривали его как колонию, другие – как естественное продолжение России. К последним принадлежал назначенный в 1819 году новым генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанский. Находясь под впечатлением от немецких романтиков, чтением которых он увлекался во время пермской ссылки, Сперанский считал, что «социальный организм нельзя втиснуть в заранее подготовлен-

ные рамки. Подобно саду, рост “древа политики” можно контролировать, но нельзя прибегать к насилию над предрасположенностью общества» (Чибиряев 1993: 138). При всем желании достичь оптимального положения нужно набраться терпения и учесть исторические традиции. Главным принципом, которым руководствовался Сперанский, было упрощение и удешевление административного аппарата с возможно большим ограничением личной власти начальников. Местные власти поистине чувствовали себя царьками. Вымогательство и просто издевательство над людьми были в порядке вещей. Многие воеводы и даже губернаторы несли за свой произвол заслуженную кару. Этим же пришлось с самого начала заняться и новому генерал-губернатору, но главным его достижением были реформы. Им были учреждены Главное управление торговли, сосредоточившее все вопросы, связанные с этим важным делом, образована Казенная палата, ведавшая отношениями землепользования, создан Совет при губернаторе, в какой-то мере ограничивавший его власть, но, главное, делавший ее подконтрольной. Были разработаны Устав о ссыльных и Устав об управлении инородцев, произведена административная реформа. Вся Сибирь была подразделена на два генерал-губернаторства: Восточная Сибирь с центром в Иркутске и Западная Сибирь с центром в Тобольске. К Восточной Сибири были отнесены Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления. Губернии, области и управления делились на округа. В соответствии с Уставом об управлении инородцев все аборигенное население, получившее название «инородцы», было подразделено на три разряда: оседлых, приравненных в правах к разным сословиям русских (татары, алтайцы и др.); кочевых, приравненных в правах к государственным крестьянам (буряты, якуты и др.); бродячих, оставленных в ясачной зависимости (чукчи, ненцы, манси и др.). Управление кочевыми и бродячими племенами должно было производиться по их законам и обычаям. Собственно, данная иерархия была предназначена для того, чтобы по «мере созревания» те или иные народы переходили в более высокий статус. Это должно было способствовать естественному становлению российско-подданных. При этом инородческое управление вело суд по обычному праву, что касалось гражданских дел, но уголовные дела разбирались в более высоких инстанциях на основе общерусского права (Там же: 146).

Устав о ссыльных регламентировал порядок препровождения ссыльных по этапам, их материально-финансовое положение, вво-

дил в четкие рамки закона их права и обязанности. В начале XIX века правительство начинает задумываться о том, какое влияние должны оказать засельщики Сибири на развитие и поднятие экономического благосостояния края. В этом русле и проводились реформы М. Сперанского. Не все его мысли воплотились в жизнь и многие идеи остались лишь благими пожеланиями. Но «по идеалу нельзя судить обо всем обществе... он служит показателем господствующих умонастроений, нравственных норм, принятых в этом обществе, и отражает систему ценностей, которой так или иначе руководствуются его члены» (Гуревич 1984: 254).

Было бы неправильно не коснуться национальной политики в современности. Не столько с тем, чтобы показать ее актуальность, так как это не подлежит сомнению, сколько представить ее сложность и *деликатность*.

Исходя из основных установок пролетарского интернационализма, большевики осуществляли управление по своим рецептам и в национальном вопросе. Что касается «национальных окраин», то там проводилась политика преодоления отсталости и была разработана концепция «построения социализма, минуя капитализм». Эта политика продолжалась долгие годы, и ее результатом было «воспитание» нового поколения, потерявшего связь с традициями, но не получившего ничего взамен. Привыкшие к совершенно иному стилю жизни, аборигены не могли приспособиться к оседлой жизни. Кажущаяся целесообразность не дала желаемых результатов, и началось повальное пьянство с затаившейся озлобленностью к пришельцам, заставившим их заниматься не своим делом. Но, с другой стороны, привычка пользоваться предоставляемыми льготами как «отсталым народам» выработала психологию приспособленчества. Когда в начале «реформ» в «независимой» России один из главных «демократических» лидеров заявил, что «Севера нам не нужны», а главным принципом «рыночной экономики» стало «спасайся кто как может», положение стало критическим³.

Еще один важный аспект этой политики заключался в стремлении создать «современную интеллигенцию». После того как была практически уничтожена значительная часть традиционной, как считалось, «националистической», интеллигенции, встал вопрос о создании «новых кадров». Нельзя отрицать огромное позитивное

³ Дошло до того, что по всей Чукотке местное население занялось «археологическими раскопками» и продавало найденное за бесценок «иностранным ученым», а с развитием «реформ» – представителям «бизнеса». Сообщения об этом можно было прочитать даже в местной прессе в начале 1990-х годов.

значение этого факта. Действительно, за годы советской власти в бывших национальных окраинах были осуществлены серьезные меры, целью которых было экономическое и культурное развитие. Здесь большую роль сыграла подготовка специалистов по всем отраслям знаний и профессиональной деятельности. Почти вся современная промышленность в национальных районах была создана в годы советской власти, многие народы получили письменность на национальных языках. Правда, случались и курьезы. По существовавшим «разнарядкам» бытовала система «создания» литературы, музыки в дотоле не существовавших жанрах, которые во многом остались невостребованными.

Идеологическая обусловленность национальной политики имела следствием две противоположные тенденции. С одной стороны, развитие национальных регионов демонстрировало достижения социализма, но с другой – было чревато национализмом. Декларируемая политика «расцвета наций» реально была направлена на нивелирование национальных различий.

Литература

Алькор, Я. П. 1934. Предисловие редактора. В: Богораз, В. Г., Чукчи: в 2 т. Т. 1. Л.: Учпедгиз.

Арутюнов, С. А. (ред.) 1991. *Локальные и синкретические культы*. М.: АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Бабкин, П. В. 1968. *Кто, когда, почему? Происхождение названий на карте ордена Ленина Магаданской области*. Магадан: Кн. изд-во.

Басилов, В. Н. 1984. *Поиски духов*. М.: Политиздат.

Белов, М. И. 1948. *Семен Дежнев*. М.: Изд-во Главсевморпути.

Богораз, В. Г.

1934. *Чукчи*: в 2 т. Т. 1. Л.: Учпедгиз.

1991. *Материальная культура чукчей*. М.: Наука, ГРВЛ.

Виноградов, В. В. и др. (ред.)

1966. *Языки народов СССР*: в 5 т. Т. 2. М.: Наука.

1968. *Языки народов СССР*: в 5 т. Т. 5. Л.: Наука.

Гольденберг, Л. А. 1990. *Изограф земли Сибирской*. Магадан: Магаданское кн. изд-во.

Гуревич, А. Я. 1984. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.

- Жихарев, Н. А.** 1992. *Повесть об Афанасии Дьячкове*. В: Дьячков, А. Е., *Анадырский край*. Магадан: Кн. изд-во.
- Крушанов, А. И. (ред.)**
1987. *История и культура чукчей*. Л.: Наука.
1993. *История и культура коряков*. СПб.: Наука.
- Левин, М. Г., Потапов, Л. П. (ред.)** 1956. *Народы Сибири*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Леонтьев, В. В., Новикова, К. А.** 1989. *Топонимический словарь Северо-Востока СССР*. Магадан: Магаданское кн. изд-во.
- Любимов, Ю. В.** 2014. Сотворение мира: сравнительно-лингвистический анализ ранних переводов Библии. *Историческая психология и социология истории* 2: 25–39.
- Матвеева, Р. П.** 1990. *Контаминация как творческий процесс в сибирском сказительстве*. Новосибирск: Наука.
- Меновщиков, Г. А.** 1970. *Некоторые типы языковых контактов у аборигенов Северо-восточной Сибири*. М.: Наука.
- Окладников, А. П., Шунков, В. И. (ред.)** 1968. *История Сибири с древнейших времен до наших дней*: в 5 т. Т. 2. Л.: Наука.
- Ромодановская, Е. К.** 1994. *Русская литература на пороге нового времени*. Новосибирск: Наука.
- Сафронов, Ф. Г.** 1978. *Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.* М.: Наука.
- Токарев, С. А.** 1990. *Ранние формы религии*. М.: Политиздат.
- Туголуков, В. А.** 1979. *Кто вы, юкагиры?* М.: Наука.
- Чибиряев, С. А.** 1993. *Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского*. М.: Воскресенье.
- Чикачев, А. Г.** 1990. *Русские на Индигирке*. Новосибирск: Наука.
- Шведе, Е. (ред.)** 1948. *Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля*. М.: Изд-во Главсевморпути.
- Шунков, В. И.** 1974. *Вопросы аграрной истории России*. М.: Наука.
- Щеглов, И. В.** 1993. *Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг.* Сургут: Северный дом.